

УДК 343.9 (477)

ОСНОВНЫЕ ВИКТИМОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНУЮ И ИНУЮ АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СТ. 304 УК УКРАИНЫ)

Елена СЫТНИК,

аспирант

Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу виктимогенных факторов вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность. Доказывается, что дисфункции института семьи оказывают наиболее мощное деструктивное влияние, эффекты которого могут иметь как криминогенный, так и виктимогенный характер. Основными проявлениями дисфункции института семьи следует считать девальвацию семейных ценностей, домашнее насилие. Приведены дополнительные аргументы в пользу криминогенности дисфункций института среднего общего образования. Акцентируется внимание на виктимогенной роли распространения субкультуры «АУЕ». Выделены и описаны основные её признаки и криминологически значимые последствия вовлечения в неё несовершеннолетних.

Ключевые слова: вовлечение, преступная деятельность, антиобщественная деятельность, несовершеннолетний, виктимогенный фактор, дисфункция.

BASIC VICTIMOGENIC FACTORS OF INVOLVEMENT OF MINORS IN CRIMINAL AND OTHER ANTI-SOCIAL ACTIVITIES (THE ART. 304 OF THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE)

Elena SYTNIK,

Postgraduate Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is focused on the analysis of victimogenic factors of involving minors in criminal and other anti-social activities. It is proved that the dysfunctions of the family institution have the most powerful destructive influence, the effects of which can have both criminogenic and victimogenic nature. The devaluation of family values, domestic violence should be considered as the main manifestations of the dysfunction of the family institution. The author has provided additional arguments in favor of the criminality of the dysfunctions in the institution of secondary general education. Special attention is focused on the victimogenic role of the distribution of the "Single Prisoner's Structure" subculture. Its main features and criminologically significant consequences of involving minors in it have been outlined and described.

Key words: involvement, criminal activity, anti-social activity, a minor, victimogenic factor, dysfunction.

Постановка проблемы. Вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную, предусмотренную ст. 304 УК Украины деятельность (попрошайничество, пьянство, занятие азартными играми) является крайне опасным проявлением дегуманизации социальных отношений. Общество, в котором ребёнок переходит в разряд вещи, рассматривается не как самоценный субъект, но как объект, инструмент достижения целей, в котором дети страдают от криминальной эксплуатации, – общество нравственной стагнации и сингулярности. Распространение же преступлений, предусмотренных ст. 304 УК Украины, составляет угрозу цивилизованному развитию такого общества, способствует прерыванию связей поколений. В связи с этим, полагаем, углублённое

исследование детерминации этой разновидности криминальной активности, в том числе и в разрезе виктимизации несовершеннолетних, является крайне актуальным и важным направлением развития криминологической науки и практики.

Актуальность исследования. Проблемы предупреждения вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность неоднократно становились предметом изучения таких ученых, как: Ю.В. Александров, И.А. Бандурка, В.В. Витвицкая, С.Ф. Денисов, В.В. Дзундза, В.П. Емельянов, В. Н. Кудрявцев В.В. Кузнецов, Л.С. Кучанская, И.П. Лановенко, И.В. Однолюк, И.А. Топольскова, Н.С. Юзикова и др. Вместе с тем виктимогенные факторы, как правило, не попадали в фокус внимания исследова-

телей, в связи с чем образовалась свободная зона научного поиска.

Цель статьи заключается в выявлении, описании и объяснении основных виктимогенных факторов вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Изложение основного материала. Основные виктимогенные факторы вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность представлены институциональными дисфункциями, искажающими нормальный процесс социализации ребёнка, вызывают дополнительные риски его социопатизации, в том числе и криминализации. В наибольшей степени несовершеннолетний оказывается зависимым от функционирования институтов семьи и школы (общего среднего образо-

вания). Следовательно, и самое виктимогенное влияние на несовершеннолетних формируется как результат дисфункции этих социальных институтов.

Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что семья является базовым, основным жизненным пространством ребёнка. Поэтому и дисфункции института семьи оказывают наиболее мощное деструктивное влияние, эффекты которого могут иметь как криминогенный, так и виктимогенный характер, в том числе и в контексте исследуемой проблематики. Основным проявлением дисфункции института семьи следует считать девальвацию семейных ценностей.

Правильным в этом контексте следует признать мнение В.Н. Кудрявцева, который полагал, что главным образом через характер ценностных ориентаций определяется антиобщественная направленность личности, ее склонность к решению своих жизненных проблем наиболее опасным для общества, преступным путём [1, с. 116–117]. При этом, отмечают С.Ф. Денисов и А.Н. Тогочинский, именно сквозь призму семейных ценностей воспринимается весь остальной мир, а также определяется место каждого члена семьи в этом мире. Ценностные ориентации играют триединую роль: закрепляют базовую мотивацию в типичных ситуациях; уменьшают антиобщественную направленность личности; служат основанием для социально приемлемого нормирования жизнедеятельности человека [2, с. 117].

Эмоционально-ценностный потенциал семьи, как подчеркивает А.В. Дидковская, имеет большие возможности воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. В сочетании с идейными установками родителей эмоциональные факторы выступают основной причиной развития нравственного достоинства ребёнка. На основе положительного оценочного отношения родителей формируется эмоционально-ценностное отношение несовершеннолетнего как к себе, так и к окружающим [3, с. 135].

Таким образом, следует согласиться с мнением, что среди основных детерминант преступности среди молодежи важное место занимает характер отношений между супругами, их роди-

телями и родственниками. Отсутствие взаимоуважения, взаимопонимания, заботы в семье, культивирование примитивных интересов, низкий культурный, образовательный уровень родителей, отношение к детям как к родительской собственности негативно влияет на формирование девиантного поведения несовершеннолетних [2, с. 118]. Пока же в Украине около 90 тыс. украинских семей не выполняют воспитательных функций; почти 70% беспризорных детей происходит из неполных или многодетных семей [3, с. 133]. В этой связи логичными и закономерными представляются результаты проведенного С.Ф. Денисовым исследования личности молодого преступника, среди криминологические значимых черт которого преобладает пренебрежение к морально-правовым ценностям общества, правовой нигилизм, морально-этический максимализм [4, с. 5].

Действительно, наиболее гуманистический, позитивный творческий потенциал каждой личности формируется и раскрывается, прежде всего, в недрах определяющих для семьи жизненных ориентиров, стратегий, принципов, которые принято объединять синтетической категорией «ценности». В то же время недостатки, системные искажения в аксиологических установках функционирования современного института семьи в украинском обществе закладывают такие же фундаментальные, но с противоположным значением, потенции в развитии личности. Экономизация основ взаимодействия между членами семьи, рационализация затрат времени и энергии (как результат развития рыночного типа характера, согласно классификации Э. Фромма), отчужденность, ослабление эмоциональной связи с детьми – вот далеко не полный перечень основных отрицательных черт ценностной сферы семейных отношений, имеющих виктимогенное значение для ребенка в контексте его вовлечение в преступную или иную антиобщественную деятельность.

Доминирование категорий меновой стоимости вместо бесценности, конкуренции, соперничества вместо взаимопомощи и самопожертвования, соотношение совокупных затрат и выгод вместо категоричного внутреннего императива, принципа, убежденности – те

классические гносеологические, пост-модернистские связи, которые ещё Г. Беккер и его последователи в теории неоинституционализма ставили во главу угла при определении вероятности социально рискованного поведения. В разрезе предмета нашего исследования – вероятности принятия несовершеннолетним предложения о его участии в совершении преступления или иной антиобщественной деятельности. И здесь не может быть никаких критериев формализации, пригодных для измерения указанной вероятности. Однако, тем не менее, не может, думается, быть серьезных контраргументов против того, что именно девальвация семейных ценностей, их экономизация, дегуманизация является весомыми факторами как криминализации, так и виктимизации личности несовершеннолетнего, которые значительно облегчают его вовлечения в преступную и иную антиобщественную деятельность.

Крайним проявлением девальвации семейных ценностей, симптомом их вырождения является *домашнее насилие*. Последнее, как общественно опасная форма дисфункции института семьи, имеет непосредственное виктимогенное значение в аспекте детерминации преступлений, предусмотренных ст. 304 УК Украины.

Ю.М. Антонян и Е.Г. Самовычев по результатам исследования психологической генезиса становления насильственного преступника пришли к выводу, что закрепляемая в детстве эмоция страха является травмирующей для ребенка, порождает в нём тревогу и реакцию избегания. Если в ранней социативный период развития личности реакция страха активизируется еще на досознательном уровне, то в процессе дальнейшего развития она подвергается неизбежной трансформации, лишается внешних атрибутов непосредственности и очевидности [5, с. 27]. Таким образом, влияние на несовершеннолетнего фактора домашнего насилия как непосредственно к нему, так и к другим членам семьи с объективной необходимостью влечет за собой формирование и закрепление комплексов тревожности, производных от состояния страха. В зависимости от частоты, интенсивности насильственных действий тревожность

может иметь различную степень выраженности, однако непременно остаётся мощной субъективной детерминантой агрессии. При этом последняя, имея защитную этиологию, в ситуации трансформированной реакции перманентного страха (по Ю.М. Антонию – дефектов социализации эмоции страха), лишённого внешних атрибутов очевидности, разворачивается через механизмы замещения. Ребёнку свойственно в таких состояниях искать во внешней среде объекты, которые гипотетически, субъективно возможно связать с источником угрозы для неё и причинить им вред. Тревожность временно исчезает, наступает непродолжительный период психологического покоя, который, впрочем, сменяется новой волной тревожности. И чем акты домашнего насилия чаще, тем меньше интервал между этими волнами.

Совершенно ясно, что тревожная личность несовершеннолетнего – достаточно легкий объект для манипулирования. Не представляет существенной трудности такого несовершеннолетнего ненавязчивым предложением вовлечь в преступную деятельность, особенно если последняя имеет агрессивно-насильственную природу: хулиганство, умышленные телесные повреждения, вандализм и т.п.

Однако описанный в наиболее общих контурах механизм виктимизации несовершеннолетнего под влиянием домашнего насилия является таковым, который находится, так сказать, «на поверхности», является наиболее выраженным и очевидным. Менее очевидными в краткосрочной перспективе, однако не менее деструктивными являются глубинные психотравмы и искажения ценностной сферы мировоззрения, установок несовершеннолетнего, который подвергается домашнему насилию. Ребёнок фактически против своей воли «исключается» из ценностно-смыслового ядра семьи как ячейки защиты, любви, заботы, доверия и доброжелательности – необходимого фона нормальной социализации. Закладываются фундаментальные факторы социопатогенезы. Прогнозирование её возможных вариаций, пожалуй, – прерогатива Всевышнего. Любые конкретные утверждения по этому поводу будут иметь слишком большую

погрешность, чтобы считаться научно обоснованными. Тем не менее, возможными представляются выводы высокой степени обобщения.

В частности, лишение личности в процессе социализации основного природного очага её нормальной психоэмоциональной, физической жизнедеятельности, или формирования в ней источников психических и физических угроз (в результате домашнего насилия) является экзистенциальной катастрофой, ставит под сомнение целесообразность продолжения существования такой личности как неотъемлемого (прежде всего, на чувственном, подсознательном уровне) элемента такой ячейки, семьи. Отсюда – интенсивные реакции эскапизма, агрессии и аутоагрессии. По результатам нашего исследования более чем 90% случаев доведение несовершеннолетних до самоубийства – результат домашнего насилия. Около 84,5% всех несовершеннолетних, осужденных за хулиганство, умышленные убийства, изнасилования в социально предикатных состояниях, были жертвами домашнего насилия. Приблизительно 93% из тех несовершеннолетних, которых вовлекли в совершение указанных преступлений, а также 61% из тех, которых вовлекли в совершение общеуголовных корыстных преступлений, – жертвы домашнего насилия; 98,2% беспризорных – жертвы домашнего насилия. Из них – 100% тех, кто на момент оставления места жительства находились в составе семьи.

Таким образом, между интенсивностью домашнего насилия в отношении несовершеннолетнего и вероятностью достижения успеха по вовлечению его в преступную или иную антиобщественную деятельность существует тесная связь. Кроме того, дети, как жертвы домашнего насилия, претерпевают непоправимые социализационные потери в части ценностных ориентаций, что также следует признать мощным фактором социопатизации, криминализации личности.

Дисфункция института школьного (общего среднего) образования как виктимогенный фактор вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность оканчивается в следующем: снижении профессионального мастерства педагогов

(не в последнюю очередь – из-за снижения качества высшего педагогического образования), падении их авторитета как среди учащейся молодежи, так и в обществе в целом; отсутствии реального личностно ориентированного подхода в обучении; хроническом недофинансировании, особенно в сельской местности, где ощущается нехватка самого необходимого – современных учебников, пособий; неудовлетворительном, крайне низком уровне оплаты труда учителей. Это побуждает их к поиску дополнительных источников заработка, что не может не сказываться на качестве основной работы. Как следствие – образовательная составляющая оторвана от воспитательной. Последняя оказывается в значительной степени формализованной; социализационные функции и функции общего контроля, взаимодействия в треугольнике «школа – ребенок – семья» существенно минимизированы.

Отдельным проявлением дисфункции школьного образования является неразвитость института инклюзивности для детей-инвалидов, которые нередко, в том числе и вследствие своей исключённости из социокультурного пространства сверстников, становятся жертвами вовлечения в занятие попрошайничеством, совершение преступлений. Речь идет как о недостатках в психическом, так и физическом развитии. К этому добавляется крайне острая проблема так называемого буллинга, школьной травли, которая способствует закреплению состояний психологической отчужденности детей с особыми потребностями, подталкивает их к поиску контактов, коммуникации в другой среде, в том числе и асоциальной, облегчает возможности их вовлечения в преступную и иную антиобщественную деятельность.

В этом же русле криминологически значимых социальных процессов следует рассматривать и *распространения деструктивных молодежных субкультур* как функциональных альтернатив общепринятым, материнским культурным нормам, институтам. Наиболее опасным в этом отношении в современном украинском обществе является молодежное «отпочкование» криминальной субкультуры – субкультура «АУЕ».

Субкультура «АУЕ» (аббревиатура «арестантский уклад един» или

«арестантско-уркаганское единство») сегодня находится только лишь в состоянии своей институционализации, формируются первичные мощные очаги на территории нашего государства. Здесь не лишним будет указать на то, что «АУЕ» – «изобретение» российской профессионально-криминальной среды и наибольшего своего развития закономерно достигло именно на территории Российской Федерации, в её восточной и средней географической полосе с тенденцией к продвижению на Запад. По состоянию на начало 2018 г., по данным СМИ, её проявления фиксируются уже непосредственно у границ Украины – на территории Брянской, Белгородской областей.

Даже беглое ознакомление с материалами журналистских расследований, отдельными публикациями на уровне тезисов докладов и научных статей в Российской Федерации, контент-анализ их СМИ дает возможность наиболее пунктирно, в общих чертах, кратко описать важнейшие криминологические значимые характеристики субкультуры «АУЕ»: 1) романтизация криминального образа жизни, тюремное и криминально-субкультурное идолопоклонство; 2) использование в среде несовершеннолетних тюремного арго; 3) имплементация в среду несовершеннолетних социально-стратификационных принципов, норм преступной среды, «воровского закона», его «понятий» вообще; 4) отрицание ценности образования, легальных институтов власти, семьи, социально приемлемого образа жизни; 5) совершение преступлений в качестве основы для существования, источника доходов; 6) поддержка связей со взрослыми представителями преступной среды, в основном с теми, кто отбывает наказание в виде лишения свободы. Эти связи налаживаются, как правило, для вовлечения несовершеннолетних в общеуголовные корыстные промыслы с последующей передачей полученных от них доходов в места лишения свободы (с тем, чтобы «греть зону»); 7) распространение влияния на учащихся общеобразовательных учебных заведений по пирамидальному принципу с целью обложения данью учеников, систематического вымогательства денег, других материальных ценностей.

По данным же проведенного нами экспертного опроса работников под-

разделений ювенальной превенции Национальной полиции в Украине фиксируются лишь «единичные случаи» осведомленности несовершеннолетних в категориях и ценностях «АУЕ» на территории Днепропетровской, Киевской, Харьковской и Херсонской областей. Впрочем, «единичные случаи» в данном контексте – это «раковые клетки». Их диагностирование не оставляет сомнений в том, что без надлежащего и своевременного реагирования уже сегодня последствия для детской среды будут катастрофическими (между тем отдельные отечественные интернет-магазины уже предлагают образцы одежды с атрибутикой «АУЕ»).

Выводы. Виктимогенные факторы вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность выявляют себя, прежде всего, в дисфункциях института семьи и образования. Существенным воздействием в этом отношении отличается домашнее насилие. Кроме этого, отмечается возрастание виктимизирующей роли субкультуры «АУЕ». По сути, это экспансия криминальной среды на молодое поколение, несовершеннолетних, радикальная попытка профессионального криминала создать постоянные и мощные функциональные ячейки рекрутирования новых членов, а также усилить финансовую составляющую устойчивости традиционной воровской структуры. Поэтому распространение в Украине субкультуры «АУЕ», очевидно, является существенным как криминогенным, так и виктимогенным фактором вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность.

Список использованной литературы:

1. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества М.: Гардарики, 2002. 238 с.
2. Денисов С. Ф., Тогочинский А. Н. Семейные ценности как важнейший человеческий капитал и их роль в предупреждении преступлений среди молодежи. Вестник Криминологической ассоциации Украины: сб. науч. труд. [редкол. А.М. Бандурка (глав. ред.) и др.]. Х.: ХНУВД, 2017. № 3(17). С. 112–122.
3. Дидкивская А.В. Криминогенность семьи как фактор преступности

несовершеннолетних. К.: Центр учебной литературы, 2016. 204 с.

4. Денисов С.Ф. Преступность криминально активной части молодежи и её предупреждение в Украине: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Запорожье, 2011. 39 с.

5. Антонян Ю.М., Самовычев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений (Психологические механизмы насильственного преступного поведения). М.: ВНИИ МВД СССР, 1983. 80 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сытник Елена Николаевна – аспирант Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sytnik Elena Nikolayevna – Postgraduate Student of Kharkiv National University of Internal Affairs